

Кетенчиев М.Б.
Озюкова И.А.
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик
E-mail: ketenchiev@mail.ru
yuki.chan.1993@mail.ru

О ЯЗЫКЕ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОЙ ПЕСНИ «ПРЕДАНИЕ ОБ АКСАК-ТЕМИРЕ»

Аннотация. В данной статье лингвистическому анализу подвергается широко известная историко-героическая песня карачаево-балкарского этноса «Предание об Аксак-Темире». Представлена тематическая классификация ее субстантивной нарицательной лексики, выявлен и описан ономастический лексикон. Определены основные когнитивные характеристики, присущие языку главного персонажа песни. Рассмотрены некоторые вопросы, релевантные для синтаксиса фольклорного текста, в частности, различные типы синтаксических конструкций и их функционально-семантический потенциал.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, устное народное творчество, историко-героический эпос, лексико-стилистические особенности.

Ketenchiev M.B.
Ozjukova I.A.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov
Nalchik

ABOUT THE LANGUAGE OF HISTORICAL AND HEROIC SONG «THE LEGEND ON AKSAK-TEMIR»

Abstract. In this article, the well-known historical and heroic song of the Karachay-Balkar ethnic group "The Legend of Aksak-Temir" is subjected to linguistic analysis. The thematic classification of its substantial common vocabulary is presented, the onomastic lexicon is revealed and described. The main cognitive characteristics inherent in the language of the main character of the song are determined. Some issues relevant to the syntax of the folklore text are considered, in particular, different types of syntactic constructions and their functional and semantic potential.

Key words: The Karachay-Balkar language, folklore, historical and heroic epics, lexical stylistic features.

История карачаевцев и балкарцев, как и других народов, изобилует различными событиями, отраженными в устном народном творчестве. К ним следует отнести и походы Тимура в Карачай и Балкарию в 1395-1396 гг.,

описанные в специальных исторических исследованиях, в которых отмечается, что в результате этих походов нанесен непоправимый урон материальной и духовной культуре этноса. Вот что пишут составители фундаментального труда историко-этнографической направленности «Карачаевцы. Балкарцы» относительно отмеченных выше походов: «Главным итогом нашествия Тимура стало резкое сокращение населения Карачая и Балкарии, прекращение существования большого числа поселений. Часть населения была истреблена, другая – уведена в плен, третья – спаслась высоко в горах Карачая и Балкарии или на южных отрогах Главного Кавказского хребта, в Абхазии, Сванетии, Мегрелии, Рача и др.» [9, с. 40].

С указанными выше событиями непосредственно связана и карачаево-балкарская историко-героическая песня «Акьсакъ Темирни тауруху» («Предание об Аксак-Темире») [2, с. 83-107], которая, наряду с другими произведениями устного народного творчества, посвященными нашествию войск Тимура, подвергнута скрупулезному анализу с позиций современной фольклористики Х.Х. Малкондуевым [11, с. 46-115]. Однако, как явствует из имеющего фактологического материала, подобного рода произведения с точки зрения науки о языке рассматриваются лишь эпизодически и остаются до сих пор вне поля зрения исследователей. С другой стороны, изучение лексико-стилистических особенностей любого фольклорного произведения представляется релевантным для такого миноритарного языка, как карачаево-балкарский язык, особенно в плане выявления и описания специфики исторического сознания этноса, определения основных этапов развития его языка. Следует отметить и тот факт, что в текстах героических песен можно увидеть «широкомасштабную историко-этнографическую картину за независимость жизни, борьбы народа» [12, с. 240], что актуально для исследований по лингвофольклористике. Исходя из этого, в данной статье предпринимается попытка рассмотреть лексику карачаево-балкарского предания об Аксак-Темире.

Обращение к тексту рассматриваемой песни позволило нам выявить свыше двухсот нарицательных субстантивных лексем, органично вплетенных в семантическую ткань данного произведения. Их можно подразделить на следующие основные тематические группы:

1. Соматизмы: *ал* «перед, передняя часть (человека)», *арт* «зад, задняя часть (человека)», *аууз* «рот», *баш* «голова», *бой* «рост», *ашыкь* «щиколотка», *бауур* «печень», *боюн* «шея», *жан* «душа», *ич* «нутро, внутренности человека», *къол* «рука», *сыфат* «облик».

2. Зоонимы: *ат* «конь», *бугъа* «бык», *буу* «олень», *жаньуар* «животное», *къуйрукь* «хвост (лошади)», *ийнек* «корова», *ит* «собака», *кийик* «дикое животное», *къанат* «крыло», *къанатлы* «птица», *къанкъаз* «лебедь», *къаплан* «тигр», *къоян* «заяц», *къыртчыгъа* «ястреб», *мал* «скот», *хайыуан* «домашнее животное, скотина», *чаука* «галка», *эмилик* «необъезженный, необученный (о жеребце)», *юс* «спина (лошади)».

3. Лексика, отражающая растительный мир: *агъач* «лес», *гюл* «цветок», *тамыр* «корень», *терек* «дерево», *эмен* «дуб».

4. Лексика, отражающая рельеф и различные природные понятия: *аууз* «ущелье», *буз* «лед», *дуния* «мир», *ёзен* «долина», *жан* «сторона», *жер* «земля», *жол* «дорога», *жулдуз* «звезда», *кёк* «небо», *къар* «снег», *къум* «песок», *суу* «вода, река», *тау* «гора», *таш* «камень», *тёбе* «холм», *тюз* «равнина», *чат* «лощина, ложбина», *чыран* «ледник», *ыз* «след», *ыфчык* «перевал».

5. Лексика, отражающая временные понятия: *ахыр* «конец», *ёмюр* «век, столетие», *жыл* «год», *заман* «время», *кезиу* «время, период, пора», *кюз* «осень», *кюн* «день», *сабийлик* «детство».

6. Лексика, отражающая различные номинации человека (социальный статус, родство и т.п.): *адам* «человек», *адам улу* «человечество», *ат* «имя», *ата* «отец», *бала* «ребенок», *бий* «князь, бей», *басханчы* «баксанец», *гяур* «иноверец», *душман* «враг», *ёзбек* «узбек», *ёзюр* «визирь», *ёлук* «труп», *жан* «человек», *жау* «враг», *жаш* «сын», *ие* «владелец, хозяин», *инсан* «человек»,

киши «человек», *къанлы* «кровник», *къарт* «старик», *къаршчы* «противник, враг», *къатын* «женщина, жена», *къауум* «группа», *къул* «раб, холоп», *къыз* «дочь», *нарт*, *ногъай* «ногаец», *сабий* «ребенок», *солтан* «султан», *тамата* «предводитель», *таулу* «горец», *улан* «сын», *халкъ* «народ», *хан*, *шах*, *эфенди*.

7. Лексика, отражающая военные и сопряженные с ними другие понятия: *аскер* «войско», *буйрукъ* «приказ», *ёлюм* «смерть», *ёхтемлик* «мужество», *жигитлик* «смелость, храбрость, отвага, удаль», *кюч* «сила», *къабыр* «могила», *къазауат* «газават», *къама* «меч», *къан* «кровь», *къарыу* «сила, мощь», *къаугъа* «тревога», *окъ* «стрела», *оноу* «руководство», *от* «огонь», *палах* «беда, несчастье», *садакъ* «лук», *сауут* «оружие», *сермеш* «битва», *уруш* «война», *хата* «вред, урон».

8. Лексика, отражающая религиозные понятия: *дин* «религия», *ийман* «вера», *мажюсю* «язычник», *масхаб* «направление (в религии)», *муслийман* «мусульманин», *муслийманлыкъ* «мусульманство», *налат* «проклятие», *ниет* «идея, убеждение».

9. Лексика, отражающая государственные и иные образования: *къырал* «государство», *эл* «государство; село», *журт* «жилище», *къала* «крепость, замок», *къош* «кошара», *мюлк* «хозяйство», *ханлыкъ* «ханство», *чек* «граница», *шахар* «город», *юй* «дом».

10. Лексика, отражающая абстрактные понятия: *акъыл* «ум, рассудок», *амал* «способ», *ауруу* «болезнь», *байлыкъ* «богатство», *баиш* «ум, рассудок», *болум* «положение», *кечгинлик* «прощение», *кёзбау* «лесть», *мурат* «цель», *сагъыш* «дума», *салам* «приветствие», *саулукъ* «здоровье», *умут* «намерение», *хал* «состояние», *эс* «память».

Представленная нарицательная лексика в целом способствует отражению в исторической ретроспективе панораму жизнедеятельности как карачаево-балкарского этноса, так и ареала распространения некоторых тюркских народов. Она небезынтересна с точки зрения лексикологии и этнографии, поскольку помогает выявить особенности быта карачаевцев и балкарцев в

определенную историческую эпоху и рассматривается языковедами в составе этнографической лексики [3]. Имеет место обращение к подобному пласту лексики и при изучении различных обрядов [8].

Текст рассматриваемого предания богат и ономастической лексикой. В нем обнаруживается около пятидесяти собственных имен, которые нами условно подразделены на три группы:

1. Антропонимы: *Акъсакъ Темир* «Хромой Тимур», *Темир* «Тимур», *Тохтамыш*. Главным действующим лицом предания является эмир из Средней Азии *Темир*. Данный антропоним широко распространен как мужское имя у тюркоязычных народов и обозначает «железо». Такое имя интерпретируется языковедами, «как пожелание силы, твердости духа» [7, с. 108]. Имеет место и употребление другого имени – *Акъсакъ Темир*. Первый компонент этого личного имени обозначает «хромой», поскольку Тимур имел природное увечье. *Тохтамыш* (имя хана Золотой Орды, с которым воевал Тамерлан) представляет собой лексикализованную форму причастия прошедшего времени на *-мыш* (от глагола *тохта-* «остановиться»).

2. Топонимы: *Араб* «Аравия», *Басхан* «Баксан», *Бештау* «Пятигорье», *Беш-Тамакъ* «Пятиречье», *Бухар* «Бухара», *Дюгер* «Дигория» *Ётмюш къол Иран*, *Къан жолла // Къанлы жолла* «Кровавые дороги», *Капказ* «Кавказ», *Къарачай* «Карачай», *Къырым* «Крым», *Мажар* «Маджар», *Малкъар* «Балкария», *Минги тау* «Эльбрус», *Тюрк* «Туркия», *Уллу Малкъар* «Большая Балкария», *Фарси* «Персия», *Чегем ауузу* «Чегемское ущелье», *Чегем тары* «Чегемская теснина», *Чын* «Китай», *Хинди* «Индия», *Холам* «Хулам», *Шам* «Восток», *Шимал* «Север», *Истамбул* «Стамбул».

3. Гидронимы: *Басхан суу* «Баксан (река)», *Итил* «Итиль» (Волга), *Черек суу* «Черек (река)», *Холам суу* «Хулам (река)», *Эдил* «Итиль» (Волга).

Большую часть ономастической лексики в песне «Акъсакъ Темирни тауруху» составляют топонимы и гидронимы, которые в целом узнаваемы современными карачаевцами и балкарцами. Посредством таких топонимов

маркируется ареал нынешнего проживания карачаевцев и балкарцев (*Минги тау, Къарачай, Малкъар, Чегем ауузу, Чегем тары, Басхан, Холам, Басхан суу, Черек суу, Холам суу* и др.). Можно говорить и о некоторых других микропонимах (*Капказ, Беш-Тамакъ, Бештау, Дюгер, Мажар* и т.п.).

Следует отметить и другие макротопонимы и макрогидронимы, которые известны не только карачаево-балкарскому этносу, но и тюркскому миру в целом, поскольку они непосредственно связаны с различными тюркскими государственными образованиями, которые были известны на различных исторических этапах их жизнедеятельности. Они в языковом сознании карачаевцев и балкарцев представлены следующими ономастическими лексическими единицами: *Къырым, Араб, Бухар, Къырым, Тюрк, Фарси, Чын, Хинди, Шам, Шимал, Ыстамбул, Итил, Эдил* и т.п.

Наряду с этим в предании «Акъсакъ Темирни тауруху» посредством топонимов репрезентируется ценностное отношение к родной стороне через призму исторического мышления: *Аланы атлары таулу – // Мажар, Дюгер, Къарачай, // Тауну, ёзенни бийлейле, // Батыр жашла ёсдюрелле* [2, с. 90] «Их горцами зовут – // Маджар, Дигория, Карачай, // Горами и равнинами владеют // Храбрых сыновей растят». Ценностное отношение к Родине вербализуется и посредством дескрипций, в состав которых входят имена прилагательные, например, *Уллу Малкъар* «Великая Балкария».

Рассмотренные выше топонимы тесно связаны «с категорией пространства, представляющей собой один из основополагающих элементов картины мира этноса» [5, с. 81].

Базовым лексическим конституентом группы слов, обозначающих собственные имена, является антропоним *Темир* «Тимур», как номинация главного действующего лица предания. В тексте песни даны следующие когнитивные признаки, характеризующие Темира [6]:

1. **Тимур – мастер военного искусства:** *Сора ала айтадыла // Аны уруи усталыгъын, // Кесин хорлатмай кишиге, // Хар бир жерден чыкъгъанын* [2, с.

83] «Еще они говорят // О его военном мастерстве, // Который не дав победить себя, // Отовсюду выходил».

2. **Тимур – искусный наездник, как и всякий номад:** *Эмиликни ол сайлап, // Къуйругъундан тутуучед, // Аны къыйнап, арытып, // Сора юсюне минуучед* [2, с. 83] «Выбрав необъезженного жеребца, // Хватал его за хвост, // Замучив и обессилив, // Садился на спину его».

3. **Тимур – опытный охотник:** *Кёгде баргъан къанатлы // Ол атханда садагъын, // Окъ ётюп бауурундан, // Тохтатыучед баргъанын* [2, с. 84] «Летающая в небе птица, // Когда он стрелял из лука, // Стрела пронзала печень, // Останавливая ее полет».

4. **Тимур – жестокий человек:** *Темир, аны эшитгенлей, // Тюз къапланча секирди, // Туурап, кесип аланы // Башларып терк кетерди* [2, с. 87] «Тимур, услышав это, // Прыгнул словно тигр, // Раскромсав, порезав их, // Быстро головы им снес».

5. **Тимур – великий завоеватель:** *Уллу аскер ол жыйып, // Барды Шамгъа, Шималгъа, // Кёп къыралланы алды, // Хазна къоймай дунияда* [2, с. 88] «Собрав большое войско он, // Сходил на Восток, на Север, // Многие страны завоевал, // Не оставив в мире много их».

Текст рассматриваемого предания также отмечен интертекстуальностью, которая, как правило, присуща и другим жанрам устного народного творчества. Так, можно говорить об органичном вплетении в ткань произведения элементов традиционного карачаево-балкарского алгыша «благопожелания», используемого в качестве «специального стилистического приема» [4, с. 68-69]. Ср.: *Жютю болсунла къамала, // Узакъ атсынла садакъла!* [2, с. 91] «Пусть мечи будут остры, // Пусть далеко стреляют луки!». Такого рода благопожелания являются ритмически организованными, что предопределяется рифмованием глаголов и субстантивных лексем в форме множественного числа. Посредством подобных глаголов «образуются оптативные

высказывания, выражающие желание говорящего, направленное на то, чтобы исполнилось действие, обозначенное в предложении» [10, с. 395].

Отметим и некоторые синтаксические особенности песни. Поскольку для нее присущ в целом повествовательный план, в ней в большей степени представлены повествовательные предложения различной структуры и семантики. Причем организующим ядром выступают глагольные лексемы, ориентированные на репрезентацию прошедшего времени, что является обязательным для многих фольклорных произведений историко-героического плана. Данная особенность отмечается даже в грамматических исследованиях по тюркским языкам [1]. Благодаря таким конструкциям в предании реализуется задача ретрансляции образа жизни средневекового правителя, например: *Кёп кьанла ол тёкгенед // Фарси, Арабда, Тюркде, // Жолун Хиндиге бурганед, // Алыргъа деп бек теркге* [2, с. 88] «Много крови он пролил // В Персии, Аравии, Турции, // Свой путь направил в Индию, // Чтобы быстро ею завладеть».

Следует отметить и тот факт, что в предании употреблены и конструкции с формами настоящего времени глагола в значении прошедшего, например, *Ала уа айтадыла // Акъсакъ Темирни юсюнден* [2, с. 83] «А они говорят // О Тимуре хромом»; *Ол жыллада кьызыл гюлле // Таулада кёп битедиле* [2, с. 94] «В эти годы красные цветы // В горах много растут» и др.

Значительными функциональными возможностями характеризуются в рассматриваемом произведении и императивные конструкции, использование которых обусловлено наличием в нем диалогов различного содержания: *Кетигиз мындан кери, // Келмегиз энди бери* [2, с. 91] «Уходите прочь отсюда, // Впредь не появляйтесь здесь», а также фразеологизированные предложения: *Хан хайран болду* «Хан пришел в замешательство»; *Таза тьююлдю кьолунг* «Нечист ты на руку»; *Кьолгъа алгъын Бухарны* «Взял бы ты в свои руки Бухару»; *Кьызыл кьаннга боялганед // Уллу, гитче тау суула* «Красной кровью обагрились // Большие, маленькие горные реки» и др. Подобные

синтаксические конструкции, представляя собой «предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами», в карачаево-балкарском языке характеризуются многообразием формальных структур и широким спектром фразеологизированных значений, на что обращается внимание в специальных грамматических исследованиях [13]. Спецификой данного устно-поэтического произведения является превалирование в нем фразеологизированных синтаксических единиц со значением состояния.

В предании встречаются и осложненные предложения с обращениями, выраженными антропонимами и теонимами: *Дагъыда бир шартларың // Айтайым, Темир, санга* [2, с. 86] «Еще некоторые факты // Скажу, Темир, тебе»; – *Аллах, сен болуш! – деди* [2, с. 87] «– Аллах, ты помоги! – сказал он».

Как видно из проанализированного выше фактологического материала, историко-героическая песня «Акъсакъ Темирни тауруху» представляет собой многогранное произведение карачаево-балкарского фольклора. Она отмечена интертекстуальностью и содержит большое количество языковых единиц различного уровня, характеризующихся многообразием форм и шириной семантики. Это дает возможность рассмотреть не только особенности ее языка и стиля, но и отметить целый ряд характеристик карачаево-балкарской языковой картины мира.

Библиография

1. Абдуллина Г.Р. Формообразовательные и словоизменительные категории в современном башкирском языке (функционально-семантический аспект). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 332 с.
2. Аланский историко-героический эпос. В трех томах. Т. I. / Сост. М.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 656 с.
3. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2003 – 23 с.
4. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартекского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №2 (293). – С. 68-70.
5. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартекского эпоса) // Вестник ВЭГУ. – 2014. – №5 (73). – С. 79-86.

6. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – №10. – P. 37-44.
7. Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: ООО Дагпресс Медиа, 2008. – 184 с.
8. Девеева А.А., Додуева А.Т. Репрезентация лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – №8. – С. 137-141.
9. Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – 815 с.
10. Кетенчиев М.Б. Парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – №16. – С. 392-396.
11. Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV-XVIII века). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 312 с.
12. Узденова Ф.Т. Роль фольклора в становлении поэтической традиции у карачаевцев и балкарцев (к истокам жанра) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – №3. – С. 238-240.
13. Хуболов С.М. Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2002. – 147 с.

References

1. Abdullina G.R. Formoobrazovatelnyye i slovoizmenitelnyye kategorii v sovremennom bashkirskom yazyke (funktsionalno-semanticheskiy aspekt). – Ufa: RITs BashGU, 2013. – 332 s.
2. Alanskiy istoriko-geroicheskiy epos. V trekh tomakh. T. I. / Sost. M.Ch. Dzhurtubayev. – Nalchik: ООО «Tetragraf», 2015. – 656 s.
3. Appoev A.K. Etnograficheskaya leksika karachayevo-balkarskogo yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Nalchik, 2003 – 23 s.
4. Akhmatova M.A., Ketenchiev M.B. Intertekstualnost kak obligatornyy priznak karachayevo-balkarskogo nartskogo eposa // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – №2 (293). – S. 68-70.
5. Akhmatova M.A., Ketenchiev M.B. Kontsept «put» kak konstrukt etnicheskoy yazykovoy kartiny mira (na materiale karachayevo-balkarskogo nartskogo eposa) // Vestnik VEGU. – 2014. – №5 (73). – S. 79-86.
6. Bashieva S.K., Ketenchiev M.B. Kontsept «ogon» kak fragment etnicheskoy kartiny mira // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – №10. – S. 37-44.
7. Gadzhiakhmedov N.E.
8. Deveeva A.A., Dodueva A.T. Reprezentatsiya leksiki svadebnogo obryada v karachayevo-balkarskom yazyke // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – №8. – S. 137-141.
9. Karachayevtsy. Balkartsy. – М.: Наука, 2014. – 815 с.
10. Ketenchiev M.B. Paradigmy prostogo predlozheniya po sintaksicheskim nakloneniyam v karachayevo-balkarskom yazyke // Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2014. – №16. – S. 392-396.
11. Malkonduev Kh. Kh. Istoriko-geroicheskiye pesni karachayevo-balkarskogo naroda (konets XIV-XVIII veka). – Nalchik: ООО «Pечатnyy dvor», 2015. – 312 s.

12. Uzdenova F.T. Rol folklora v stanovlenii poeticheskoy traditsii u karachayevtsev i balkartsev (k istokam zhanra) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2009. – №3. – S. 238-240.
13. Khubolov S.M. Predlozheniya s monovalentnymi predikatami-frazeologicheskimi edinitami v karachayevo-balkarskom yazyke. – Nalchik: Kniga, 2002. – 147 s.